

В КОГО ВЛЮБЛЯЮТСЯ АКТЕРЫ

1999-1999-29 апр. с. 6

ЛЮБОВЬ НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ — ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ, СЧИТАЕТ АКТЕРСКАЯ ЧЕТА ИРИНА МАЗУРКЕВИЧ И АНАТОЛИЙ РАВИКОВИЧ

Русский философ Василий Розанов писал: «Может ли актер полюбить? Привязаться? Настоящий актер любит только свои роли. Обыкновенный человек, связавший свою жизнь с актером, непременно начинает разбиваться о него... Истрадается, измучится». Ну а если актер связывает свою судьбу с актрисой, тогда как? В Петербургском театре комедии имени Н. Акимова есть такая пара: Ирина Мазуркевич и Анатолий Равикович. 20 лет назад у них начался театальный роман в стенах Ленинградского театра имени Ленсовета, куда пришла восемнадцатилетняя Ира. С тех пор они играют вместе. Но только на сцене. В кино — отдельно. Равикович прославился своим Хоботовым в «Покровских воротах», а Мазуркевич — ролью молоденькой актрисы в фильме «О бедном гусаре замолвите слово».

Ах, оставьте, ах, оставьте — всё слова, слова, слова, — говорит Мазуркевич мужу.

— Ира, вспомните, с чего начался ваш роман?

— Я встретила с Толей в спектакле «Интервью в Буэнос-Айресе», где он играл клоуна, который приходил просить за свою дочь, попавшую в тюрьму. Его герой умолял и плакал, а я смотрела на него и тоже плакала — от восхищения его талантом. Так что сначала я влюбилась в Равика (так я зову его дома) на сцене. Уже тогда, в свои сорок лет, он играл пожилых людей — Мармеладова в «Преступлении и наказании», Санчо в «Дульсинее Тобосской». Поэтому мне казалось, что ему сто лет, а столько, как известно, не живут. Но однажды я случайно встретила с ним взглядом не на сцене и увидела глаза молодого человека. Тут-то и вспыхнула та искорка (о ней пишут в романах), из которой возгорелось пламя...

— Анатолий Юрьевич, скажите: чувства партнеров, возникающие на сцене, они настоящие или нет?

Равикович: — Когда надо играть любовь, начинаешь искать в партнерше приятные тебе черты. (Тут Анатолий Юрьевич начал пристально всматриваться в мое лицо, взгляд артиста потеплел и несколько затуманился. Ах, зачем я не актриса!) Со временем удается найти что-то привлекательное для себя, и таким образом ты как бы влюбляешься. Когда же партнерша по сцене — собственная жена, все обстоит гораздо труднее, потому что обаяние той первой встречи уже осталось позади. Даже когда я играю мужа на сцене, как это было у нас с Ирой в спектакле «Биография» по пьесе Макса Фриша, то это уже другая история, не наша, и ее надо сочинять «по новой» и проживать по-другому. И я — уже не я, и Мазуркевич — уже не Мазуркевич, а другие, не похожие на нас люди.

Мазуркевич: — Вообще-то я не так много играла про любовь. Но на это время действительно влюблялась в партнера. Видимо, артист должен перенести чувство, заложенное в сюжете пьесы, на себя и своего партнера. В один прекрасный момент вдруг перестаешь понимать, где жизнь, а где выдумка, где настоящее, а где мнимое. Так обычно длится какое-то время. Потом как пелена с глаз спадает: И ты думаешь: Господи, что это было? Я знаю актеров, которым приходится играть любовь с ненавистным им человеком. Как это у них получается — не знаю. Мне такое, наверно, было бы не под силу.

Равикович: — Наше партнерство с Ириной, как мне кажется, это общий взгляд на искусство и

жизнь. В быту у нас лидер — Ирина. Она занимается хозяйством, бюджетом, думает, что купить дочке, помнит, когда у меня репетиция. Но если вдруг начинает переносить семейные отношения в театр — тут я становлюсь на дыбы, бунтую. Не смею командовать! Потому что театр и жизнь — вещи все-таки разные. Хотя советы жены по поводу моей игры, как бы это меня ни корбило, я все-таки принимаю.

— За эти годы вы научились распознавать психологическое состояние друг друга, и уже притворяться бессмысленно?

Мазуркевич: — Вот, казалось бы, мы оба артисты, двадцать лет вместе, можем общаться даже без слов, но сложности все равно возникают... Мы можем ругаться в театре, спорить, но, вернувшись домой, об этом забываем. Если Равик за обедом не отвечает на мои вопросы, — понятно, он еще на репетиции. Если вырвется фраза вроде бы не к месту — ясно, он все еще с режиссером выясняет отношения... И трогать его в этот момент нельзя. Ну, а когда нам приходится играть вместе любовь на сцене, тут приходится вычеркивать из памяти все, что связано с нашей семейной жизнью и как бы начинать с белого листа. Это трудно. Притворяться вообще трудно, как на сцене, так и в жизни. Представляю, как бы Толя помирился, если бы дома я сказала ему с такой же интонацией, как на сцене: «Я тебя люблю!»

— Наверное, вы устааете друг от друга и поэтому, догадываясь, отдыхаете отдельно?

Мазуркевич: — Да нет. Мы вообще надолго не расстаемся и всегда отдыхаем втроем с дочкой. Когда поженились, я сказала: «Надо заводить ребенка». — «Как! Мы же в коммунальной квартире!» — «Ну и хорошо, что в коммунальной. Соседи помогут».

Говорю мужу: «Если у нас родится ребенок в декабре, то в июне, когда придет время ехать на гастроли, ему уже будет полгода. Возьмем с собой». Поскольку у Равика уже была дочка от первого брака, он мои рассуждения воспринимал как бред молоденькой девушки. Но как я решила, так и получилось: Лизу в охапку — и в самолет. В Иркутск на гастроли летели с двумя посадками. Все было спокойно. Взяла, покормила, положила в сетку-качалку. В Иркутске, а затем в Красноярске ходили в тайгу, на рыбалку. Проводили в рюкзаке дырки для ног, ребенка в рюкзаке, рюкзак за плечи — и вперед!

— В Театр комедии вы тоже пришли вместе потому, что никогда не расставались?

Мазуркевич: — Мы одновременно ушли из театра Ленсовета, сидели без работы. Тут нас позвал Аксенов — тогдашний главный режиссер Комедии, хотя до этого я с трудом представляла, что смогу работать в «веселом» театре.

— Анатолий Юрьевич, вы сказали, что в театре не подчиняетесь жене, а режиссеру подчиняетесь?

Равикович: — Я подчиняюсь ему всегда, даже в том случае, если не согласен. Потому что бывали случаи, когда я оказывался не прав, настаивая на своем. Например, в «Дульсинее Тобосской» я играл Санчо Панса, и он у меня получался унылым, выдохшимся, несчастным человеком. Игорь Владимиров тогда сказал: «Толя, ты понимаешь роль верно, но играешь конечный результат, и потому получается скучно». Тогда я стал выдумывать. Намотал себе на пояс много-много веревки и от этого сделался толстым. Когда же говорил: «Я похудел», то веревку развязывал, и она спадала кольцами с меня. Становилось смешно.

— И был успех?

Равикович: — В первую очередь необходимо понять для себя, какой успех тебе нужен. Чье мнение важно: Дмитрия Лихачева или продавца на рынке. Успех Ярмольника и успех Евгения Леонова — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Извечный вопрос по Станиславскому: любить себя в искусстве или искусство в себе? Надо уметь сопротивляться ожиданиям публики, вести ее за собой.

— Этому вас научил Игорь Владимиров, воспитавший не одно поколение знаменитостей?

Равикович: — Я попал в Театр Ленсовета, когда Игорь Петрович Владимиров делал свой театр. Набирал труппу. Он был молод и дерзок. То был мой дом, и я любил его просто так, как Пушкин любил Болдино, как Бродский любил Васильевский остров. Для меня очень важно, чтобы жизнь моего персонажа была напряженной и наполненной чувствами, чтобы слезы стояли рядом со смехом. Вообще-то я стесняюсь сильных страстей на сцене. А поглядев на себя в зеркало, — так вообще не вижу оснований играть любовника или героя, но, закрывшись юмором, такой внешней нелепостью, кое-что могу и сделать...

Беседу вела Марина ЗАБОЛОННАЯ.